

8. Катляроў, І.В. Памяць аб Вялікай Айчыннай вайне – свяшчэнная / І.В. Катляроў // Польша. – 2009. – № 7. – С. 132–135.
9. Коваленя, А. Памятнікі,obelіскі, меморіалы / А. Коваленя // Беларуская думка. – 2007. – № 6. – С. 4–11.
10. Коваленя, А.А. Памяць о героической борьбе советских людей в годы Великой Отечественной войны – бессмертна / А.А. Коваленя // 1941 г.: трагедия, героизм, память: материалы Междунар. науч. конф., посв. 65-й годовщине нач. Великой Отечеств. войны, Брест, 22–23 июня 2006 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: М. Э. Чесновский [и др.]. – Брест, 2007. – С. 15–28.
11. Козак, К.І. Мемарыялізацыя вайны: сацыяльныя аспекты / К.І. Козак // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы міжнароднага навуковага семінара 1 верасня 2003 г., Мінск; адк. рэд. В. Ф. Балакіраў. – Мінск: НАРБ, 2004. – 208 с.
12. Культуральныя ісследаванні: сб. науч. работ / Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; под ред. А. Эткінда [и др.]. – СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2006. – 528 с.
13. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Полит.ру [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: [29http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html](http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html). – Дата доступа: 02.08.2010.
14. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>. – Дата доступа: 02.12.2008.
15. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история [Электронный ресурс]. – 2000. – № 4. – Режим доступа: – <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>. – Дата доступа: 17.02.2010.
16. Франция-Память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хагаевой. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
17. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с франц. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.
18. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – № 41. – P. 179–197.
19. Mitscherlich, M. and A. The Inability to Mourn / M. and A. Mitscherlich. – New York: Grove, 1975. – 322 p.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЛАСТЕЙ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ УНИИ В ФОРМЕ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСТВА ИЗ ГАЛИЦИИ В 1921–1931 гг.

Свирид А.Н.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Западная Беларусь по условиям Рижского мирного договора вошла в состав возрождённого польского государства – Второй Речи Посполитой. На территории Западной Беларуси в период 1921–1939 гг. было сделано несколько попыток распространения униатства. Одна из попыток была связана с деятельностью греко-католической церкви Галиции, которая вела своё начало с Брестской унии 1596 г. Однако Рим и польский римско-католический епископат готовили на белорусских землях распространение униатства

в другой форме: не в форме имеющего в своей основе римско-католическую догматику греко-католичества, а в форме католической церкви византийско-славянского обряда, которой (за исключением догмата о непогрешимости папы в делах веры) была оставлена восточная православная догматика, и именно эту форму историки позже назовут «неоуния». Попытка реализации проекта распространения неоунии в Западной Беларуси приходится на 1924–1939 гг. Всё это время иерархия греко-католической церкви в Галиции активно пыталась развернуть на белорусских землях миссионерскую работу.

Иерархия греко-католической церкви Галиции во главе с митрополитом Андреем Шептицким предпринимала попытки распространения унии среди белорусов ещё до того, как Западная Беларусь оказалась в составе Второй Речи Посполитой. Львовского митрополита не останавливало то обстоятельство, что Львов в то время находился за пределами Российской империи, в составе Австро-Венгерской монархии. Но российские власти и польские национальные круги также приложили усилия, чтобы этот проект не был реализован [1, с. 86].

В феврале 1908 г. папа дал митрополиту большие полномочия, которые также распространялись на территорию Беларуси, он получил права и достоинство бывших киевских митрополитов в отношении к существовавшим ранее в границах Речи Посполитой униатским епархиям. Он мог назначать генеральных vikариев, епископов и экзархов [2, с. 24]. В марте 1909 г. галицкий митрополит написал послание к белорусам, в котором именовал себя администратором архиепархий Полоцкой и Смоленской и епархий Витебской, Мстиславской, Мипской, Туровской, Пинской и Брестской, Владимирской, Оршанской. В этом послании он призвал поддерживать унии «до смерти, а в случае необходимости и жизнь отдать за Веру...» [3, с. 11].

Новые шаги были предприняты с началом Первой мировой войны. А. Шептицкий не без оснований считал, что после её окончания условия будут иными, и посвятил в 1914 г. И. Боцяна в сан епископа [4, с. 2]. В подготовленной на пергаменте хиротонизационной грамоте митрополит дал ему полномочия над всеми униатскими епархиями, которые были упразднены в 1839 и 1875 гг.: Полоцкой, Смоленской, Владимиро-Волынской, Холмской, Туровской, Пинской, Брестской и Луцкой [5, с. 132].

В мае 1920 г. А. Шептицкий получил письмо от уполномоченного представителя правительства БНР Леона Дубейковского с просьбой о помощи в возрождении унии, которую считал национальным белорусским вероисповеданием [6, с. 136, 165].

Однако с установлением власти польского государства ситуация стала меняться коренным образом. Епископ И. Боцян встретил содействие со стороны австрийских военных властей, Люблинского генерал-губернатора Ст. Шептицкого и сопротивление со стороны поветовых старост польской национальности. Польские власти дали И. Боцяну прямое указание вернуться во Львов.

24 февраля 1921 г. А. Шептицкий получил из Рима от Конгрегации по делам восточных церквей уведомление о подтверждении полномочий И. Боцяна. Польское правительство предприняло соответствующие шаги через посольство при Ватикане. Весной 1921 г. посол Ян Ковальский был принят по вопросу, связанному с Луцкой епархией, кардиналом Пьером Гаспарри. Ватиканский секретарь сообщил послу, что назначение И. Боцяна было канонически правомочным, но, сославшись на слова папы, отметил, что, учитывая исключительность ситуации и просьбы польского правительства, издано распоряжение, чтобы И. Боцян не совершил, ни одного юридического акта. Этот ответ не удовлетворил в полной мере польские власти, и Ватикан под давлением польского правительства назначил И. Боцяна в 1925 г. суффраганом митрополита А. Шептицкого [7, с. 179–180]. Основание луцкой епархии было воспринято польскими властями отрицательно, и польское правительство не дало на неё согласия [8, с. 231–232].

Но Галицкий митрополит не ограничился единичной акцией, связанной с И. Бояном. Есть все основания считать, что А. Шептицкий вёл широкую и систематическую работу по распространению унии на территории к северу от Львовской, Станиславской и Пшемысльской епархий.

Какие же причины вынудили польское правительство по вопросу распространения греко-католицизма за пределами Галиции занять позицию, отличную от той, которую занимали немецкие власти?

Во-первых, польские власти опасались, что распространение данного вероисповедания вызовет рост украинских национальных настроений, что воспринималось как серьёзная угроза польской национальной политике. Польское правительство отчётливо сознавало значение восточных территорий, отошедших по Рижскому миру, для будущего государства, поставив задачу их культурной ассимиляции. Эта политика находила воплощение в конкретных решениях и действиях, в том числе и в религиозном вопросе. Автономизация греко-католической провинции могла быть шагом в сторону политической автономии Галиции [9, с. 96]. Более того, польское правительство предполагало, что деятельность сторонников возрождения унии будет развиваться в сотрудничестве с украинскими организациями, выступающими за независимость, особенно, если принять во внимание, что часть греко-католического духовенства была враждебно настроена по отношению к польскому государству и боролась за освобождение Украины от польского господства.

Во-вторых, польские власти опасались, что православное население воспримет миссионерскую деятельность греко-католической церкви как покушение на своё вероисповедание и провокацию со стороны правительства. Внутренняя борьба, развернувшаяся в православной церкви на Волыни между сторонниками украинской и русской ориентации, могла в новой ситуации объединить оба этих течения под антипольскими лозунгами защиты православия, увлекая за собой массы верующих.

В-третьих, внешнеполитическая ориентация Галицкого митрополита не соответствовала чаяниям правящих кругов Второй Речи Посполитой. А. Шептицкий до начала Первой мировой войны был известен проавстрийскими симпатиями, а после её окончания считал, что Силезия должна принадлежать к немецкому государству. Польско-украинский конфликт в Галиции и антипольская позиция в нём А. Шептицкого так же не могли положительно сказаться на отношении правительства. В ноябре 1920 г. греко-католическим духовенством был направлен в Рим «Мемориал украинского посольства к папе Бенедикту XV», который содержал информацию об аресте властями 612 греко-католических священников, 46 монахов-базилиан, разграблении монастырей в Крехове и Жовкве. Попытки униатской церкви апеллировать к Апостольской столице в вопросе разрешения недоразумений с властями вызвали недовольство последних. Поэтому с 1921 г. польские власти заботились о том, чтобы в Ватикан поступала информация обо всех случаях, которые могли дискредитировать греко-католическую церковь и А. Шептицкого в глазах Апостольского Престола [10, с. 119].

Но открыто преследовать греко-католиков польское государство не могло, так как не желало портить отношения с Ватиканом и поэтому особое внимание обращало на то, чтобы не допустить распространения влияния греко-католической церкви за пределами Восточной Галиции [11, с. 21–22].

Очень многое в данной ситуации зависело от того, какую позицию займёт Ватикан и римо-католический епископат Польши.

Первоначально люблинский римо-католический епископ, а затем и остальные епископы Второй Речи Посполитой стали трактовать греко-католическую церковь как

институт, вредный для польской государственности [12, с. 152]. Так, люблинский епископ М. Фульман в конце 1918 г. отказал греко-католическим священникам из Галиции в праве ведения пасторской деятельности. В феврале 1919 г. он ответил А. Шептицкому, что не признаёт его юрисдикции в границах подначаленной ему епархии, отметив, что разрешить спор может единственно Апостольская Столица, которая должна назначить А. Шептицкого апостольским администратором для бывших униатских епархий в Польше и России. Польские епископы на съезде в Варшаве в марте 1919 г. обратились к папскому нунцию с просьбой об авторитетном совете. Ответ был дан на съезде епископата в Гнёзно в августе 1919 г. Папский документ утверждал, что епископы латинского обряда в епархиях, в которых нет епископов восточного обряда, имеют юрисдикцию над верующими восточного обряда, но с оговоркой, что они должны заботиться об удовлетворении потребностей униатов *habita racione cultus et linguae eorum*. Данное решение римского папы разрешало вопрос компромиссным путём: с одной стороны, Ватикан подтвердил юрисдикцию над униатами за пределами Восточной Галиции латинских епископов, с другой стороны, обязал их оставить униатам восточный обряд, а так же традиционный литургический язык.

Польские власти приняли с удовлетворением такой оборот дела и стали на позицию, что папское решение распространяется на всю территорию Речи Посполитой, в том числе и на территорию Волыни и Западной Беларуси.

Верующие греко-католики на территории Западной Беларуси должны были подчиняться римо-католическим епископам. Даже если в прошении, какое, например, подали жители гмины Сидорки Бельского повета в 1921 г., прямо говорилось, что верующие хотят подчиниться «униатскому епископу во Львове» [13, с. 57], костёльные и государственные власти не допускали этого. Подляшский епископ Г. Пшездзецкий отнёсся к желанию жителей перейти в унию положительно, но не спешил передавать их в юрисдикцию А. Шептицкого.

Польскому правительству удалось достичь поставленной цели: не допустить деятельности греко-католического духовенства за пределами Галиции, благодаря тому, что римо-католические епископы не менее решительно, чем государственные власти, сопротивлялись допуску в их епархии униатских священников из Львовской, Станиславской и Пшемьшльской епархий. Основными причинами такого отношения со стороны римо-католической иерархии были:

1. Нежелание делить юрисдикцию на территории подначаленных им епархий с подчиняющейся непосредственно Риму иерархией греко-католической церкви. А. Шептицкий не скрывал, что его целью было выведение греко-католических епархий из организационной структуры польского костёла и создание на этой территории отдельной провинции, подчинённой Ватикану с признанием митрополита как примаса.

2. Часть латинского духовенства на восточных территориях Второй Речи Посполитой считала не только православную церковь, но и восточные обряды католической церкви чем-то худшим, второсортным.

В качестве повода для отказа было выдвинуто положение, что греко-католические священники, будучи женатыми, непригодны к тяжёлой миссионерской работе, потому что не способны к большим жертвам, а также, что консервативное православное население не примет католицизма в греко-католической версии вследствие наличия в нём латинских элементов [14, с. 408].

Список цитированных источников и литературы

1. Latysonek, O. Unia a białoruski ruch narodowy od połowy XVIII do połowy XX wieku // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / pod redakcją Andrzeja A. Zięby / – Kraków: Nakładem polskiej Akademii Umiejętności, 1994.

2. Rzemieniuk, F. Kościół katolicki obrządku Bizantyjsko-Słowiańskiego (Neounia). – Lublin: Towarzystwo Naukowe katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1999.
3. Новік, М. Ліст мірапаліта Андрэя Шаптыцкага да беларускага народу // Царква. – 2001. – № 3 (30).
4. Німчук, І. В. Памяти епископа-громадянина. З приводу смерти еп. Д-ра Боцяна // Діло. – 1926. – 2 грудня.
5. Korolevski, C. Metropolite Andre Szeptycky, 1865–1944. – Roma: Esse-Gi-Esse, 1964.
6. Митрополит Андрей Шептицкий: Життя і Діяльність. Церква і Церковна єдність. Документи і Матеріали 1899–1944. – Львів: Монастир Монахів Студийського Уставу Видавничий Відділ «СВІЧАДО», 1995.
7. Mróz, M. Działalność unijna metropolity Andrzeja Szeptyckiego w Rosji i w Polsce w latach 1917-1922. // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / pod redakcją Andrzeja A. Zięby – Kraków: Nakładem polskiej Akademii Umiejętności, 1994.
8. Цыгин, В. История русской церкви 1917–1997. Книга девятая. – М: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
9. Prus, E. Władysław Świątowski. Rzecz o arcybiskupie Andrzeju Szeptyckim. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1985.
10. Васильків, А. Політика польської адміністрації у ставленні до української греко-католицької церкви (20–30 рр. ХХ ст.) // Берестейська унія (1956-1966). Статті і матеріали. / ред. колегія М. Гайковські, В. Гаюк, О. Гринів, Д. Дашкевіч, Л. Моравська. – Львів: Логос, 1996.
11. Генік, М. Канцелярія неаунії ў релігійнай палітыцы Польшчы // Брэсцкая унія 1596: гісторыя і культура. – Брэст: Бацькаўшчына, 1996.
12. Stepien, S. Nowa unia kościelna w – obrządek bizantyjsko-słowiański. // Polska – Ukraina. 100 lat sąsiedztwa / pod. red. S. Stepienia. – Т. 2. – Przemyśl: Południowo-Wschodni Instytut Naukowy w Przemyślu, 1994.
13. Архив актов новых в Варшаве, МWRiOP, syg. 392.
14. Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989.

ПЛАНЫ И СИСТЕМА РЕАЛИЗАЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Соколова Е.А.

УО «Белорусский государственный университет», г. Минск

В планах фашистской Германии по установлению мирового господства важнейшее место занимало экономическое ограбление завоеванных стран и народов. Характерно, что по мере приближения сроков фашистского вторжения в пределы СССР возрастал поток приказов и инструкций о проведении политики тотального разграбления экономического потенциала захваченных территорий.

Тщательно разрабатывалась и система деятельности структур оккупационной власти. Во главе с Розенбергом было учреждено центральное политическое бюро для изучения «восточных проблем». Позднее на его основе образовалось «Министерство по делам оккупированных областей на Востоке».

На важнейшие посты и в органы оккупационной администрации заранее подбирался и готовились специальные кадры. 16 января 1941 г. Гитлер издал специальный указ о создании корпуса руководителей управлений в будущих оккупированных восточных областях [2, с. 99].